

Александр Охотин

ОТРЯД,
КОТОРЫЙ
СНИЛСЯ

Александр Охотин

Отряд, который снился

«Издательские решения»

Охотин А. А.

Отряд, который снился / А. А. Охотин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-902022-2

Что такое сновидение? Любой здравомыслящий учёный скажет, что это образы, порождаемые мозгом, и будет прав. Но всегда ли это так? Оказывается, не всегда. Учёный из Института физики космоса Александр Иванович Зорькин убедился в этом на своём опыте. После жуткой аварии во время эксперимента он неожиданно оказался в другом... Впрочем, не буду забегать вперёд. Пусть лучше он сам всё расскажет вам по порядку.

ISBN 978-5-44-902022-2

© Охотин А. А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Чертовщина	6
Глава 2. Пророческий сон	12
Глава 3. Костровы	16
Глава 4. Арест	24
Глава 5. Освобождение	28
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Отряд, который снился

Александр Анисимович Охотин

© Александр Анисимович Охотин, 2018

ISBN 978-5-4490-2022-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Чертовщина

Это было чёрт знает что. Я даже подумал было, что мне это снится: снится, что проснулся и позавтракал; снится, что пришёл на остановку трамвая, приехал на работу в институт...

И всё-таки это был не сон. Да и выглядело всё слишком реальным для сна. Была ещё одна мысль: «Я сошёл с ума... Мне всё это грезится...»

Вот, скажите: сумеете представить себе, что неожиданно оказываетесь в нескольких километрах от места, в котором только что находились? Трудно такое вообразить, не правда ли? Вот и я раньше ни за что не смог бы себе этого представить. Но это раньше не смог бы, а теперь могу. Могу потому, что это случилось со мной.

Я стоял посреди тротуара, тянувшегося вдоль высокой парковой ограды из железных прутьев и кирпичных, покрытых жёлтой штукатуркой столбов. За оградой парка – знакомая липовая аллея. По шоссе, за трамвайными путями, вдоль проспекта пробегают автомобили, дует несильный ветер. Я стоял и дико озирался по сторонам. Я всё ещё не верил в случившееся, не понимал, как там оказался.

Редкие прохожие глядели на меня как на сумасшедшего. Они обходили меня стороной, стараясь держаться как можно дальше. Их можно было понять, потому что вид у меня был, наверное, тот ещё.

Ну почему это случилось именно в тот день? Почему именно в пятницу тринадцатого? Вот и не верь после этого в приметы¹. Хотя, конечно, приметы тут ни при чём. В приметы верят только наивные люди. Такие, которые легко попадают на удочку разным прохвостам и обманщикам. Я в приметы не верю. В глупые приметы, разумеется: в несчастливые пятницы и понедельники, в тринадцатые числа, в чёрных кошек и в прочую чепуху. Но... верь не верь, а что случилось, то случилось.

А началось всё с обычного рабочего дня в институте физики космоса, в котором я работал. Сначала ничто не предвещало беды. Правда, и ничего хорошего не ожидалось, потому что у нас давно всё шло кувырком. Будто кто-то умышленно вредил. Нет, всерьёз никто об этом и не думал. Ну, о том, что нам вредят, но факт оставался фактом. С лабораторными макетами всё получалось, а со спутником – ни в какую.

Спутник, на котором был установлен наш двигатель, никак не желал перемещаться в дополнительные измерения суперпространства². Он так и продолжал неподвижно висеть

¹ Пятница 13-е у суеверных людей считается днем неудачи и несчастья, чертовым днем.

² Суперпространство – Существует гипотеза, что полное пространство Вселенной больше трёх. То есть, кроме трёх наблюда-

в одной точке геостационарной орбиты³. Дело уже пахло полным провалом. Даже страшно было представить, какими разборками это грозило. Но... в тот день все-таки получилось. Ну да, казалось, что получилось.

Итак, полвосьмого утра. Вся наша группа уже находилась в центре управления полётами. С нами связались космонавты с челнока «Русь-11». Они сообщили нам, что заменили на спутнике старые узлы двигателя на новые. Эти узлы были доработаны ведущим инженером Михаилом Дёминым.

Тридцать две минуты восьмого. Мы включили аппаратуру. Огромный экран на стене центра управления засветился. На экране появилось изображение, передаваемое из космоса телекамерой спутника.

Не знаю, показалось мне это или нет. То есть я тогда ещё сомневался, а теперь не сомневаюсь, потому что знаю точно, что это было на самом деле. Вот только странно, что кроме меня никто этого не заметил. Дело в том, что как только экран включился, я увидел, как на нём мелькнуло и тут же пропало изображение гигантского диска. Я спросил Дёмина, видел ли он это. Миша удивлённо взглянул на меня и сказал:

– Ты что? У тебя глюки в конце рабочей недели?

Я ему говорю:

– Миш, не знаю. Может, показалось, но уж как-то отчётливо показалось.

– Я и говорю, что глюки. С чего тебе мерещатся всякие НЛО?

– Да ладно. Показалось – значит, показалось.

– Слушай, Александр, – сказал Дёмин, – чёрт с ними, с этими НЛО, но спутник развернулся.

– Развернулся?! – удивился я. – Не может быть...

– Не может, но посмотри, куда ушло изображение Земли.

Я снова взглянул на экран, и меня прошиб холодный пот. Удивительно, что я сразу не обратил на это внимания. Если днём раньше в это же время Землю было видно почти в центре, то теперь её изображение ушло в правый нижний угол экрана. Мало того, Землю было видно не полностью, потому что часть её изображения ушла за края экрана.

Изменить ориентацию в пространстве по своему, так сказать, хотению спутник не мог. Для того чтобы спутник повернулся хоть на полградуса, мы должны были послать его бортовому компьютеру серию кодированных команд. Таких команд никто не посылал – это я знал абсолютно точно.

Пришедшие, вскоре, телеметрические данные повергли нас в шок. Оказалось, что спутник не просто изменил ориентацию в пространстве, он изменил орбиту. Теперь спутник был в пятистах километрах от места, в котором должен был находиться.

Этого не могло быть. Не могло быть хотя бы потому, что только что от спутника отстыковался челнок «Русь-11» и, значит, спутник в тот момент находился на своём законном месте. Так что же случилось? Что могло отбросить спутник на такое расстояние? Я тогда даже не вспомнил о том диске, который увидел на экране в первый миг.

Нам было не до разгадывания загадок, потому что не терпелось как можно скорее опробовать доработанный межпространственный двигатель. Это была наша последняя надежда избежать разборок за срыв работ. Вот поэтому мы и не стали корректировать орбиту спутника.

даемых нами измерений, образно говоря длины, ширины и высоты, имеются ещё семь или восемь измерений, которые мы не видим. Такое полное пространство называют суперпространством. Наблюдаемое же трёхмерное пространство является лишь частью полного суперпространства. Невидимые измерения называются дополнительными измерениями.

³ Геостационарная орбита – орбита спутника, на которой время его обращения вокруг Земли равно Земным суткам. Именно поэтому с поверхности Земли такой спутник кажется неподвижным, как бы висящим в одном и том же месте. Высота геостационарной орбиты над экватором равна 35786 километрам.

Девять часов утра. Дёмин задаёт координаты точки суперпространства, в которую должен переместиться спутник. Компьютер спутника сообщает, что данные успешно приняты и декодированы. Дёмин посылает спутнику команду «ПЕРЕХОД», и... я сначала не поверил своим глазам: «Неужели получилось?!» Да, спутник ушёл из нашего пространства и переместился в скрытые измерения.

Через несколько секунд после перехода на главном экране появилось изображение, передаваемое со спутника из суперпространства. Это изображение было получено с помощью установленных на спутнике гравитонных⁴ объективов. Мы впервые увидели нашу вселенную со стороны. Это была поистине феерическая картина.

То, что у нас творилось, трудно описать словами. Радость, поздравления, шум, гам... Я ещё не думал о том, что вижу коллег по работе последний раз в жизни. Да вряд ли кто-то мог предположить, что случится через считанные секунды.

Неимоверно яркая вспышка разорвала, разметала реальность на сотни, на тысячи пылающих ключев. Я секунд десять не мог открыть глаза, но ощутил, что уже не сижу за пультом, а стою на твёрдой поверхности. Ещё я почувствовал дуновение ветра и услышал звуки пронесшихся мимо автомобилей.

Я не мог понять, откуда в центре управления ветер и весь этот шум. Понял только тогда, когда смог, наконец, расклеить веки. Понял и ужаснулся, потому что это был уже не центр управления в институте физики космоса, а Майский проспект. Тот самый, по одной стороне которого тянулся наш парк культуры, а по другой – жилые дома. Вот это был номер! В общем, чертовщина.

Но это было ещё не всё. Дело в том, что я не узнавал проспект. Парк я узнал. Это был тот самый парк, который я знал с детства и который ни с чем другим спутать не мог. Я ведь знал там каждое деревце, каждый кустик. Я даже помнил чуть ли не каждую трещинку в кирпичных, покрытых старой штукатуркой столбах ограды парка. В общем, с парком всё было в полном порядке.

На месте была и трамвайная остановка, и радиусный дом⁵, с которого начинался проспект. Радиусный, как ему и положено, находился к югу от трамвайной остановки, на противоположной от парка стороне шоссе. Прямо за трамвайной линией. Дело было в самом проспекте. Он стал другим. Вместо знакомых четырёхэтажных сталинок⁶ там возвышались огромные, словно башни, дома из красного кирпича.

Я был в шоке, но ещё не до конца осознавал трагичность случившегося. Первая здравая, казалось бы, мысль: «Чёрт с ним, с институтом, с работой. Надо скорее идти домой». А что, приду домой, сяду в кресло, закрою глаза, расслаблюсь. В четыре часа придёт с работы Оксана, приведёт из садика дочку Иринку, и всё встанет на свои места.

«Кстати, надо позвонить маме» – подумал я, и полез во внутренний карман пиджака за сотовым телефоном, но... телефона в кармане не было. «Что за чёрт! Куда он подевался?!» Это меня удивило, почему-то, сильнее, чем моё неожиданное перемещение, и изменившийся Майский проспект. Я чётко помнил, что, уходя на работу, брал с собой телефон. Где же он? Ну ладно. Чёрт с ним, с телефоном. Я решил, что надо просто пойти домой и успокоиться.

Улица Студёная, на которой я жил, находилась сразу за парком. Я вошёл в парк через калитку, встроенную в каменную арку. Я сразу заметил, что на этой покрытой жёлтой штукатуркой арке с внутренней стороны появилась новая надпись. Нет, старое «Ленка + Андрюшка

⁴ Гравитон – квант гравитационного поля, то есть элементарная частица, из которого, образно говоря, состоит поле гравитации. Это наподобие фотона – кванта электромагнитного поля.

⁵ Радиусными домами называют дома, имеющие форму дуги. Радиус – это один из параметров дуг и окружностей.

⁶ «Сталинки», сталинские дома – общее разговорное название домов, построенных в СССР с конца 1930-х годов до середины 1950-х годов.

= 2 дурака пара» тоже было на месте. Именно «Андрюшка» – через «ж», и «дурака» – через «о». Наверное, эти слова накорябали на штукатурке первоклашки или дошкольники.

Новая надпись была странная. Она располагалась выше «Андрюшки» и была не нацарапана, а сделана красной краской, чётко, будто через трафарет. Надпись гласила: «Смерть политикам и фюреру!»

Я подумал, что это местные пацаны играют в войну, как мы когда-то. Странно, конечно. Ведь у ребят давно были другие увлечения. Про вторую мировую уже мало кто вспоминал.

Войдя в парк, я оказался на знакомой липовой аллее. Солнце туда почти не пробивалось, так как кроны деревьев почти смыкались над нешироким тротуаром. Вдоль тротуара по обе стороны тянулись между стволов лип аккуратно подстриженные кусты кизильника и стояли парковые скамейки, выкрашенные в разные цвета. Кое-где на скамейках сидели пожилые люди. Одни сидели просто так, другие читали газеты или просто разговаривали друг с другом. В общем, всё как обычно в это время дня.

Я перешёл на другую сторону аллеи и углубился в заросли из кустов жёлтой акации. Ох уж эти заросли. Когда-то, очень давно, таких диких зарослей там не было. Кусты акации были посажены по бокам асфальтированной дорожки, ведущей к озеру. Но нашлись люди в администрации района, которые «проявили инициативу». Видимо, не просто так, а чтобы «подзаработать». В общем, перепланировка изрядно изуродовала парк, а про ту дорожку вообще забыли. Со временем разросшаяся акация почти полностью закрыла проход.

Итак, я стал продираться сквозь кусты. Вообще, ходить там было неудобно, потому что от дорожки там остались лишь растрескавшиеся, покрытые многолетним слоем из опавших листьев, пыльного цвета асфальтовые островки. Сквозь эти островки, сквозь почерневшие от времени опавшие листья местами пробивалась чахлая трава. Под ноги постоянно попадались колдобины, обломанные ветки и вообще всякий хлам. Несмотря на это, я всегда ходил на трамвайную остановку и обратно только этим, коротким путём.

Я пролез сквозь заросли акации и вышел к озеру. Ну... «озеро» – это слишком громко сказано. На самом деле это искусственный водоём размером пятьдесят на пятьдесят метров, но все жители района называли этот водоём озером.

Оказавшись около озера, я буквально остолбенел. Очередная чертовщина. До меня окончательно дошла нереальность ситуации. Первое, что бросилось в глаза, это стоящие на двух постаментах скульптуры оленей. Их не могло там быть, потому что их сломали лет двадцать назад. Хотя нет, не двадцать, а двадцать четыре. В том году я как раз пошёл в первый класс. Конечно, могли этих оленей снова поставить, но тогда они не выглядели бы такими обшарпанными. Главное, ещё утром, когда я шёл на работу, этих скульптур там не было.

Но это было ещё не всё. На озере посреди водной глади возвышался постамент, на котором была установлена скульптура спортсменки с веслом. А ведь ту скульптуру сломали ещё раньше. Впечатление было такое, что я попал в прошлое на двадцать с лишним лет назад.

Но нет, это только парк был парком из прошлого. А как быть с Майским проспектом? Он что, из будущего? Да и в парке не всё было из прошлого. Скорее, парк был из настоящего с элементами прошлого.

Почему-то только теперь меня по-настоящему охватила тревога. Я почуял неладное, даже страшное. Я бегом бросился к восточному выходу из парка. Вот аттракционы, они все на своих местах. Абсолютно все: и карусели; и колесо обозрения, называемое в народе чёртовым колесом; и всё остальное. Там, как и всегда летом, было весело и многолюдно. Скамеечки вдоль аллеи, летний кинотеатр «Родина» – всё на своих местах. Но когда я подошёл в парковой калитке, я понял, что дело дрянь.

Итак, парковая калитка – каменная арка высотой метра три. Ставни из железных прутьев с фигурными завитушками. Но... улицы Студёной за калиткой не было. Там, за калиткой, я увидел пустырь, заросший полыньёй, крапивой и низкими кустами неизвестного мне названия. В траве валялись обломки досок, поржавевший железный хлам, кучи битого кирпича – в общем, всякий мусор.

За пустырём, метров через сто, среди зарослей из лопухов стоял полуразвалившийся щелястый забор из старых почерневших досок. За забором – неказистые, потемневшие от времени, бревенчатые избы с драночными крышами⁷.

Это была катастрофа. Я почувствовал себя одиноким, заброшенным в чуждый мне мир. Этим чуждым для меня миром был окружён единственный родной и знакомый с детства уголок – наш парк, в котором почему-то перемешалось настоящее и прошлое. Это было непонятно и страшно.

Страшно? Нет, страха уже не было. Просто что-то оборвалось внутри и не осталось ничего, кроме чувства одиночества и смирения с судьбой. Я не знал, что мне теперь делать, куда идти, к кому обратиться за помощью. Не знаю, почему у меня не возникла мысль обратиться за помощью в полицию. Впрочем, как оказалось, хорошо, что не возникла.

Я вернулся в парк и опустился на скамейку напротив чёртова колеса. Я сидел там, тупо наблюдая за происходящим вокруг. Впрочем, мне уже было наплевать на всё, что там происходило. Оно просто происходило, а я просто равнодушно, со смертной тоской, созерцал это.

Я безвольно сидел на скамейке, а время шло, и мне ужасно хотелось есть. Я ведь в тот день успел только позавтракать, да и то наспех. Я вспомнил, что около летнего кинотеатра находится павильон кафе. Я взглянул на часы. Было одиннадцать минут восьмого. Надо же, прошёл уже почти весь день. Но ничего, кафе работало до десяти вечера. Значит, время ещё было.

Я поднялся со скамейки и пошёл к кинотеатру. В голове крутилась мысль: «Вдруг там нет никакого кафе? Ведь исчезла же бесследно улица, на которой я живу... Нет, уже не живу, а жил». Но... кафе оказалось на месте.

Я зашёл в павильон и встал в очередь. Хотя... назвать это очередью было трудно. Кроме меня там была пожилая дама с двумя малышками – наверное, с внучками – и средних лет мужчина. Я выбрал блюда, дождался своей очереди и подал продавщице деньги – пятисотрублёвую купюру, которую брал на обед. Продавщица взяла пятисотку, повертела её в руках, рассматривая со всех сторон, и орёт:

– Это что такое?! Что ты мне суёшь?!

– Деньги, – отвечаю, – пятьсот рублей.

⁷ Дранки – что-то наподобие черепицы из тонких широких деревянных щеп. Раньше дранки очень часто использовались для устройства крыш домов в деревнях.

– Какие деньги?! Нахал! Забирай свой фантик и топай отсюда, пока полицаев не позвала!

Реакция продавщицы меня озадачила: «Что не так? Обычная пятисотка. Вчера только снял в банкомате». Я не стал испытывать судьбу: «Чёрт её знает. Позовёт ещё полицаев. Почему она так их называет? Полицаями. Полицейским тоже что-нибудь не понравится... А может, хотя бы полицейские мне помогут? Признаюсь, что сошёл с ума, назову адрес... Нет, не надо, а то чёрт знает, что подумают и куда отведут». Я сунул пятисотку в карман и вышел из павильона.

Вернувшись к скамейке около чёртова колеса, я посмотрел на часы. Время подходило к восьми вечера. У меня появилась последняя надежда. Дело в том, что в это время в парке всегда прогуливаются три дамы из нашего дома: Наталья Антоновна, Марина Александровна, и Зинаида Викторовна. Я решил, дождаться их и попросить, чтобы они проводили меня, сошедшего с ума, домой. Я сел на скамейку и стал ждать, когда они появятся.

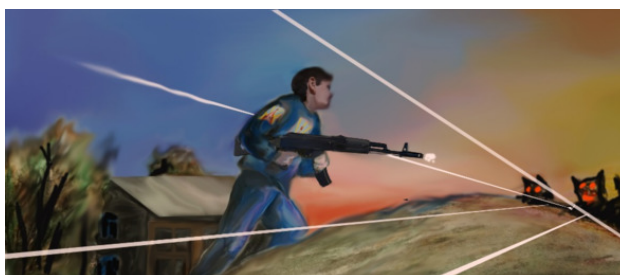
Время шло, но вокруг были только незнакомые лица. Было уже полдесятого, когда мимо меня пробежала стайка мальчишек лет десяти-двенадцати – загорелые, в летних шортах, в майках, в футболках. Один из них обернулся и, остановившись на миг, взглянул на меня. Я заметил в его глазах немалое удивление, а меня словно обожгло этим взглядом. Бывает же такое нереальное сходство!

Взглянув на меня, мальчишка повернулся и побежал дальше. Он догнал друзей и скрылся с ними за павильоном летнего кинотеатра. Через пару минут туда же пробежали человек десять, как я тогда подумал, полицейских. Мне, правда, показалось, что у них что-то не так с формой: то ли покрой не тот, то ли что-то ещё, чего я не понял. Подумал, что в очередной раз ввели какие-то новшества в полицейское обмундирование.

Вообще-то, меня в тот момент мало волновало обмундирование полицейских. Тем более, что это могло и показаться. Куда больше меня взволновал тот мальчишка. Если бы я увидел его лет двадцать или больше назад, я подумал бы что это он, Колька. Те же черты лица: высокий лоб, прямой нос, круглый подбородок. До боли знакомый взгляд карих глаз, Такие же, как у Кольки, тёмные волосы.

«Сколько же времени прошло после той трагедии? Ага, мы заканчивали четвёртый класс, значит, мне было одиннадцать лет. То есть прошло уже двадцать лет». Вновь всплыли в памяти те далёкие годы, тот пророческий сон и та трагедия.

Глава 2. Пророческий сон

О тех событиях я помнил всё. Даже тот сон, будто пророческий, предупреждающий о беде. Как же порой мне хотелось забыть всё это, выкинуть из головы все тяжёлые воспоминания, но мне это так и не удалось. А вообще-то и хорошо, что не удалось. Ведь забыть это, значит забыть Кольку, предать память о нём.

Я часто вспоминал свои детские годы, школу, Кольку и... те странные сны, в которых Колька был командиром нашего отряда – отряда Армии Света. Это были не просто сны, а будто сны наяву. Я не мог отличить их от реальности и помнил их от начала до конца.

В тех снах наш отряд совершал походы в другие пространства, спасал от порабощения завоевателями загадочные миры. Были там и битвы с теми, кто пытался поработить нас, нашу страну. Да много всего было в тех снах, всего и не перечислишь. А в жизни всё было обыденно – Колька был просто моим одноклассником и другом.

В нашем классе Колька был самым младшим. Дело в том, что он родился в июне, почти за три месяца до первого сентября. Когда ему было семь лет без этих трёх месяцев, его согласились принять в школу. В виде исключения. И не пожалели об этом, потому что учился он лучше всех в нашей школе.

Учителя очень удивились, когда узнали, что второклассник Летов помогал решать задачки по математике, физике и химии ученикам старших классов. Удивились и зауважали Кольку.

Учителя ставили Кольку в пример, несмотря на то, что часто бывали у него «разногласия с педагогическим коллективом». Ага, разногласия... Это ещё мягко сказано. Правильнее назвать это конфликтами.

Нет, Колька никогда не грубил учителям, общался с ними уважительно, но свою правоту он отстаивал бескомпромиссно и до конца. Он умел приводить веские доводы, и учителя, в конце концов, вынуждены были соглашаться с его «железной логикой».

Да-да, это сами же учителя так говорили: «железная логика». Может, именно за эту «железную логику», отличную успеваемость и добрый отзывчивый характер он и пользовался у них таким уважением.

Кольке не суждено было окончить школу. Он умер. Внезапно. Это случилось, когда мы заканчивали четвёртый класс. Для всех его смерть так и осталась загадкой.

После школы я отслужил в армии, а после армии поступил в университет и окончил его. После университета я работал в институте физики космоса. С Оксаной я познакомился, когда уже закачивал учёбу. Она училась тогда в педагогическом институте, на третьем курсе. Не прошло и полугода, как мы поженились. Потом у нас родилась дочка.

В общем, жизнь шла своим чередом. У меня всё складывалось самым лучшим образом. Как говорят в таком случае, жизнь удалась. Да, удалась, но... мне очень не хватало Кольки. Иногда мне казалось, что Колька где-то рядом. Иду, бывало, по улице, и мне кажется, что

вот-вот он окликнет меня, и дальше мы пойдём с ним вместе. Но... этого уже быть не могло. Не было больше Кольки.

Когда я увидел того мальчишку, так удивительно похожего на Кольку Летова, в моей памяти всплыл ТОТ СОН. Тогда мне снился трудный бой. По-настоящему трудный. Казалось, что мы терпели поражение. Впервые. Это из-за того, что враги отрезали нам путь к нашей «военной базе» в Сумеречном Мире. Мы никак не могли к ней прорваться, чтобы использовать танки, самолёты, ракеты. Бой шёл почти на границе Сумеречного Мира и нашей улицы. Мы были последним препятствием на их пути.

Они были не людьми, а походили на кошмарных ящеров с огромными перепончатыми крыльями за спиной. Их чёрные крылья и жуткие морды с горящими глазами потом долго стояли перед моим мысленным взором.

Мы отстреливались, укрывшись за высоким земляным валом. Они тоже стреляли в нас, но не пулями, а огненными лучами. Лучи с грохотом пронзали пространство, но никого пока не задели.

Мы не могли даже высунуться из-за укрытия, но и они не могли прорвать нашу оборону. Пока не могли, но так не могло продолжаться долго. Скоро у нас закончатся боеприпасы, и монстры, уничтожив нас, ворвутся в наш мир.

Неожиданно, я почувствовал жгучую боль, от которой чуть не проснулся. Одно из чудовищ всё-таки попало в меня. Огненный луч вскользь задел мой локоть. Я дал очередь из своего акаэма⁸, и сражённое чудовище рухнуло вниз.

Колька говорил, что у нас нет выхода, кроме победы. Вот и в том сне мы, несмотря ни на что, всё-таки победили. Победили, благодаря Кольке. Он первым взбежал на земляной вал и крикнул:

– Ребята! В атаку! – и ринулся на врагов, отвлекая их на себя. Он даже успел завалить трёх или четырёх монстров, прежде чем его пронзило множество огненных лучей. Колька упал замертво, но мы уже ринулись следом, и ужасные твари были повержены. Мы прорвались к базе, подняли самолёты, дали ракетный залп по удирающим в Мир Тьмы монстрам. Мы ворвались следом за чудовищами в Мир Тьмы и уничтожили их всех до одного.

Бой закончился. Мы принесли Кольку к границе между Сумеречным Миром и нашей улицей, уложили его на землю. Он лежал на земле будто живой. Казалось, что он просто спал, вот только не дышал и был очень бледен. На нём даже не было повреждено обмундирование бойца Армии Света. Хотя... это же сон.

Потом Колька исчез, а следом за ним стали исчезать остальные бойцы нашего отряда. Это было странное зрелище: они по одному уходили вдаль и, помахав мне рукой, просто исчезали. Вскоре я остался совершенно один.

Я попытался пройти через грань между Сумеречным Миром и нашей улицей, но... у меня ничего не получилось. Я бесконечно шагал к нашему дому, но дом становился всё дальше и дальше. Мне было одиноко и страшно, и чем дольше я шагал, тем становилось страшнее.

Наша улица пропала. Я понял, что заблудился. Я остановился и стал кричать, звать на помощь. Кого? Ведь вокруг не было ни души. Но нет, живая душа всё-таки появилась. Это был... гигантский муравей.

⁸ АКМ – автомат Калашникова, модернизированный.

Нет, на самом деле это был не муравей. Это было даже не насекомое. У насекомых должно быть шесть лап, а у этого было четыре. Просто я воспринял это странное существо, как муравья. Наверное, это из-за усов-антенн, как у насекомых. У «муравья» была продолговатая, сужающаяся ко рту голова, почти человеческие глаза, наполовину прикрытые круглыми веками. Вместо челюстей – обыкновенный рот. Даже на лапах были пальцы. «Муравей» стоял передо мной на задних лапах. В таком положении ростом он был почти с меня. Передней лапой он держал медный колокольчик.

Если бы в снах всё подчинялось логике, я должен был бы испугаться. Но нет, я не испугался. Совсем наоборот, мне стало хорошо и спокойно. «Муравей» забавно пошевелил усами и заговорил детским голосом.

– Саша, не печалься о Коле. Хоть вы никогда больше не увидите, он всегда будет помнить о тебе. Ты тоже никогда-никогда не забывай его.

– Где он? – спросил я с последней надеждой.

– Он далеко, – ответил «муравей». – Никто не сможет попасть туда, не зная секрета, но Коля волшебник и он смог.

– Я хочу, чтобы он вернулся!

– Это невозможно.

– Но почему?!

– Ты поймёшь это, когда проснёшься и придёшь в школу.

– А, так это сон!

– Сон, но не совсем сон. Не понимаю, почему ты не можешь проснуться. Наверное, твое сознание запуталось в пространствах. Ничего, я помогу тебе проснуться, но я хочу, чтобы ты взял вот это, – муравей протянул мне колокольчик. – Когда тебе будет трудно, просто позвони, и я приду на помощь. Ты не будешь меня видеть, но я всегда помогу тебе. Не теряй колокольчик. Он будет связывать нас, и тогда мы навсегда останемся друзьями.

– Спасибо, – сказал я, взял колокольчик и положил его в карман.

– А теперь прощай, – сказал «муравей» и исчез. Я проснулся.

«Как хорошо, что это только сон», – это была первая мысль после пробуждения. Потянувшись, я почувствовал боль в локте. Взглянув, увидел след от ожога. Удивился, конечно. Ожог был несильный, и я не придавал этому значения, хотя и не понимал, где я мог обжечься. Ну не во сне же.

Когда я одевался, из кармана брюк... выпал медный колокольчик. Надо же! Точь-в-точь такой, какой подарил мне приснившийся муравей! Я попытался вспомнить, откуда у меня этот колокольчик. О том, что он из моего сна, у меня даже мысли не было. Может, мне его дал

кто-то из друзей, а я забыл? Или просто где-то нашёл и положил в карман, а потом он мне приснился? Нет, как я ни старался, мне так и не удалось вспомнить, откуда он у меня.

На урок я чуть не опоздал. Вбежал в класс, когда уже звенел звонок. Вошла наша учительница Маргарита Анатольевна. Всё как обычно. Маргарита Анатольевна открыла классный журнал и спросила у дежурной по классу:

– Фахуртдинова, кто сегодня отсутствует?

Ленка Фахуртдинова встаёт и отвечает:

– Сегодня отсутствуют Красильников и Летов.

Я оглядел класс. Взглянул на парту в среднем ряду, где всегда сидел Колька. Действительно, Кольки там не было. У меня на душе стало беспокойно, появилось смутное предчувствие беды. И точно, в конце урока в класс пришла Светлана Александровна – наш директор – и сообщила ужасную новость. Она сказала, что этой ночью умер Коля Летов.

Это был шок. Весь наш четвертый «А» неестественно притих. У меня всё похолодело внутри. Это был ужас, от которого я долго не мог оправиться.

Похороны состоялись дней через десять, если не больше, потому что врачи никак не могли установить причину смерти. Было начато уголовное расследование, потому что подозревали, что это было убийство. Врачи искали следы ядов, скрытые повреждения, ещё черт знает что, но... так ничего и не нашли.

Кольку хоронили всей школой. Сколько же было пролито слёз на тех похоронах. Похоронили Кольку во втором ряду от ограды кладбища, около двух молодых берёзок. Я потом не раз приходил на могилу и подолгу там сидел на врытой в землю скамеечке, напротив маленького дощатого столика. Мне казалось, что и берёзки около Колиной могилы тоскуют вместе со мной.

С тех пор, как не стало Кольки, мне перестали сниться те загадочные сны. Вместе с ним исчез, ушёл из моих сновидений наш несуществующий отряд, но осталась память о нём. Остались воспоминания о школе, о Кольке, а ещё этот медный колокольчик.

В это трудно поверить, но колокольчик будто и правда помогал мне. Может, конечно, это были просто совпадения, но стоило просто позвонить, и вскоре все неприятности заканчивались, будто их и не было. С тех пор я никогда не расстаюсь с колокольчиком. Я приделал к нему цепочку, и ношу его на шее как оберег.

Глава 3. Костровы

– Александр Иванович.

Я вздрогнул от неожиданности. Обернувшись на голос, я увидел мальчишку лет двенадцати, в тёмно-синих шортах и светло-голубой летней рубашке.

– Александр Иванович, – повторил он, – идёте, я вас провожу.

– Куда? – спросил я, растерянно.

– Долго объяснять. Мне велели вас проводить.

– Проводить?!

– Ну да. Ведь не сидеть же вам тут день и ночь. Да и опасно вам тут оставаться. Вас разыскивают враги.

– Враги?! Ничего не понимаю...

– Идёте. Потом объясню.

Он смотрел на меня большими тёмными, почти чёрными глазами из-под длинных чёрных ресниц. В этом взгляде улавливалось что-то знакомое, но я никак не мог понять, что именно. Я спросил:

– Откуда ты меня знаешь?

– Откуда и вы меня, – отвечает.

Я ещё больше удивился:

– Я?!

– Ага.

Я ещё пристальнее взгляделся в лицо мальчишки. Толстые губы и узкий подбородок; тёмные, с изломом брови; густые тёмные, почти чёрные, волосы, зачёсанные набок. Что-то крутилось в памяти, но это «что-то» словно пыталось увести меня в мои школьные годы. В общем, это «что-то» никак не хотело принимать чётких очертаний.

– Нет, не узнаю, – признался я.

– Я Денис. Неужели не помните? Хотя... конечно. Для вас ведь столько прошло времени.

– Кораблёв, что ли, который из рассказов? – Это я попытался пошутить. Нет, шутки не вышло, потому что моё убитое душевное состояние выдал голос. Денис, слегка усмехнувшись:

– Не из рассказов. Не Кораблёв я, а Костров.

Да, действительно, эту фамилию я где-то слышал. Но где и когда? Нет, я не мог вспомнить, в чём и признался.

– Ладно, – пообещал Денис, – потом всё равно вспомните. Идёте. Или хотите сидеть тут всю ночь до утра?

Провести всю ночь в парке я не хотел, поэтому не стал упрямяться. Я понимал, что хуже, чем есть, всё равно уже быть не может. Я поднялся со скамейки:

– Ну что ж, Денис Костров, веди, куда велели. Только я не понимаю, что происходит.

– Не понимаете?! Даже вы?! Учёный?! – искренне удивился Денис.

– Ну, пусть будет «даже». Я вообще не понимаю, как тут оказался. Не понимаю, почему тут всё так изменилось за несколько часов.

– Изменилось?! За несколько часов?! – удивился Денис. – Вы что-то путаете, Александр Иванович. Тут давно ничего не менялось.

– Давно?!

– Ну, год назад тут всё было так же.

– Год назад?! А Майский проспект?! Что с ним?! Он утром был таким, как всегда, а теперь там все дома новые. Когда его успели перестроить?! За три часа? Это же невозможно! А куда делась улица Студёная?

– Нет никакого Майского проспекта, – ответил Денис.

– Как это нет?!

– А вот так и нет. Тот проспект, про который вы подумали, что Майский, совсем и не Майский. Он по-другому называется. И никакой улицы Студёной сроду не было.

Я удивился:

– Как же не было, если я там жил?!

– Думаете?

– Не думаю, а знаю.

– Ладно, вам потом всё объяснят. Идёмте, а то скоро станет совсем темно.

Что было делать... и я пошёл с Денисом. Денис повёл меня вглубь парка. Вот озеро. На берегу и посередине скульптуры, пришедшие из далёкого прошлого. Перила заборчика, тянувшегося вдоль озера, они тоже из прошлого. Центральная аллея... Нет, аллея как раз не из прошлого, а из настоящего. Широкая, со знакомыми цветочными клумбами и с высокими пирамидальными тополями посередине и с северной стороны аллеи.

Я хорошо знал парк, поэтому стал внимательно рассматривать всё, что попадалось по пути. Дело в том, что я уже начинал сомневаться, что это ТОТ САМЫЙ ПАРК. Нет, на центральной аллее всё было так, как и должно быть. Вот клумба с коротко подстриженной ярко-зелёной травой и красными, с жёлтой серединой, цветами цмина. Следующая клумба с белоснежными садовыми ромашками. Киоски по левой стороне – те же самые. Да вообще всё было таким, каким я знал. Не может же в другом парке всё повторяться со столь нереальной точностью.

В конце аллеи мы повернули направо. Денис повёл меня к северным воротам парка. Ворота тоже были ТЕМИ САМЫМИ. Это было высоченное деревянное сооружение с арками, выкрашенное светло-жёлтой краской и украшенное орнаментами из покрашенных в белый цвет досок. Арок было пять: широкая и высокая центральная; четыре арки поменьше, по две с каждой стороны от центральной арки.

Я специально обращал внимание на все эти мелочи, стараясь найти отличия. Нет, отличий я не нашёл. Ни одного. И всё-таки мне казалось, что я шёл в неизвестность. Так оно и оказалось.

Мы подходили к парковым воротам всё ближе. Я знал, что там, за воротами, должен быть кинотеатр «Мир». Дальше – аллея, за аллеей – северный квартал нашего района. Через квартал должно проходить шоссе и трамвайная линия. Слева от шоссе должен быть старый, построенный ещё в довоенные годы, районный универмаг, справа – районная поликлиника.

Да, я всё это знал, но ещё издали понял, что ничего этого там больше нет. За воротами парка раскинулось необъятное поле, заросшее высокой травой. Вдали за полем, почти у самого горизонта, виднелся лес.

Я спросил. Так, для порядка:

– Денис, куда пропал северный квартал?

– Никуда он не пропадал, – отвечает. – Его тут сроду не было. И вообще, дальше уже не город.

Я начинал привыкать к таким сюрпризам. Тот факт, что нет теперь северного квартала, я воспринял довольно спокойно. Денис повёл меня в поле. Я удивился; спросил, куда мы идём.

– К моему деду, – ответил Денис.

– Он в норе, что ли, живёт?

– Почему в норе?

– Но там же ничего нет, кроме поля. Или он живёт в лесу?

– Про лес вы почти угадали.

– Почти, или угадал?

– Почти. Он живёт не в лесу, а около леса. Там, где железная дорога. У него там маленький домик. Ну, типа, сторожка. Он работает путевым обходчиком, потому там и живёт.

– Значит, железная дорога там всё-таки есть? – спросил я.

– Есть, но не та, о которой вы подумали.

– А о чём я подумал, по-твоему?

– Вы подумали про вокзал на Площади Революции.

– Точно...

– Ага. Только на самом деле никакой Площади Революции там нет. Я же объяснил, что дальше уже не город. Никакой площади там сроду не было.

«Никогда», «сроду», «называется по-другому...» Может, я сошёл с ума?

Смеркалось быстро. Солнце было уже наполовину скрыто за горизонтом. Я говорю Денису:

– Мы до того леса доберёмся только к полуночи.

– Быстро доберёмся, – пообещал Денис, потом добавил:

– Вы не удивляйтесь, Александр Иванович. Для вас тут много всего такого будет казаться странным. Я тоже сначала удивлялся, а потом привык.

Мы шли по узкой тропинке, уводящей нас в поле. Не бежали, а просто шли. Даже не очень быстро. Я заметил, что лес приближается к нам с невероятной быстротой. Казалось, что он тоже движется нам навстречу. Я оглянулся и посмотрел назад... – ничего, кроме бескрайнего поля до самого горизонта там не было. Я остановился.

– Что вы встали? – спросил Денис, тоже остановившись. Я, с испугом:

– Денис, куда всё пропало?!

– Что пропало-то?

– Парк, ну... вообще всё!

– Александр Иванович, я же говорил, что вам много всего такого будет казаться странным. На самом деле ничего никуда не пропало. Это свойства здешних пространств. Ну, не всех, а только некоторых.

– Свойства пространств? Но я живу в этом городе тридцать один год! Почему же я ни разу не замечал никаких таких свойств?!

Денис как-то странно взглянул на меня. В его взгляде была заметна растерянность:

– Как?! Вы ничего не поняли?! Вы думаете, что это ваш город?!

– Конечно, – говорю, – какой же ещё?

– А вот такой. Это совсем другой город. Ну, кое-что похоже, а на самом деле другое.

– Другое?!

Нет, я уже ничего не понимал. Денис отвечает:

– Да, другое, но кое-что похоже.

– Но если другой город, то почему же это «кое-что» похоже настолько, что невозможно отличить?

– Этого никто не знает, – сказал Денис. – Когда тут всё строили, то, непонятно почему, кое-что получилось похожим на наш... Ой! То есть на ваш город.

– Денис, я ничего не понимаю. На ваш, или на наш?

– Ну, как вам объяснить... В общем, я всё ещё не привык. Целый год прошёл, а я всё время путаю. К чему не привык? Что путаешь? Ты о чём?

То, что ответил Денис, чуть окончательно не свело меня с ума. Он сказал:

– Александр Иванович, вы сейчас не на Земле.

Я даже не сразу поверил в то, что услышал. Нет, этого не могло быть.

– Как это не на Земле? – спросил я.

– Нет, ну... я не так сказал, – ответил Денис. – Вы на Земле, конечно, только на другой.

– На другой?! В каком смысле?

– Александр Иванович, ну... как бы объяснить. Короче, это наша общая планета, но в других измерениях. Просто мы, которые сюда переселились, называем это Землёй-2, а которые тут жили всегда – просто Землёй.

– В других измерениях?! Переселились?! Объясни толком.

– Я в этом плохо разбираюсь. Вам потом объяснят. Идёмте скорее, а то уже совсем темно.

Точно, стемнело быстро. Солнце уже скрылось за горизонтом, и только закатное зарево на западе и подсвеченные солнцем высокие перистые облака еле-еле освещали поле. Тропинка теперь чуть угадывалась на фоне высокой травы, верхушки которой были пока ещё немного подсвечены заревом.

– Ладно, идём, – сказал я, – только я так могу сойти с ума.

– Не сойдёте, – «успокоил» меня Денис.

– Думаешь?

– Ага. Я же вас знаю.

– Откуда знаешь-то?

– Ещё со школы.

– Со школы?! – я снова остановился. – Ты знаешь, сколько лет прошло с тех пор, как я её окончил?

– Конечно, знаю, – ответил Денис, тоже остановившись. – Вот только не понимаю, почему вы меня не узнаете? Мне даже неудобно называть вас на «вы».

– Ну и не называй. Я тоже не люблю, когда на «вы». Обращайся на «ты». Договорились?

– Ага. Идёмте скорее.

– Идём. По правде говоря, ты мне кого-то напоминаешь, но я никак не могу вспомнить, кого именно.

– Александр Иванович, я вам напоминаю Дениса Кострова. Вы... Ой! Забыл. Ты учился в классе «а», а я в «б».

– Что за чепуха?! Ведь у нас разница в возрасте лет двадцать.

– Девятнадцать.

– Ну пусть даже девятнадцать. Этого тоже достаточно.

– Ага, достаточно. Только если для тебя с того случая прошло двадцать лет, то для меня меньше года. Так что я ещё учусь.

– С какого того случая? – не понял я.

– С того самого, ну, то, что случилось тогда, двадцать лет назад.

– Не понимаю. Ты о чём?

– Я про Кольку. Про Летова.

– Так ты его знаешь?!

– Знаю, Александр Иванович... ой, то есть Саша. Не привык я ещё, забываю, что мы как бы ровесники. И вообще, ты многого ещё не знаешь.

– Ну так расскажи. Объясни.

– Я не смогу. Долго получится. Да и не знаю я всего, я же говорил. Кстати, мы уже пришли.

И правда, пришли. За разговором я не заметил, что мы уже подошли к лесу. А ведь шли мы через поле не больше пятнадцати минут. Ещё и останавливались. Кстати, последний раз мы остановились меньше минуты назад, и лес был ещё далековато, а сейчас... Да, действительно... свойства пространств.

Итак, перед нами был сосновый лес. То есть, в основном сосновый, по краю которого была поросль из молодых берёзок. Ну, может быть, это были и не берёзки. В наступившей темноте рассмотреть было трудно. Но всё равно это было что-то лиственное.

Лес начинался метрах в тридцати от однопутной железнодорожной линии, к которой мы только что подошли. На краю леса, за железной дорогой, стоял одноэтажный домик, где нас уже ждали. В домике светилось единственное окошко, а на пороге стоял седой старик лет семидесяти. Денис крикнул ему:

– Деда, я его привёл!

– Давайте скорее! – крикнул в ответ «деда».

Когда мы подошли, старик сказал:

– Здорово, что ли, Зорькин.

– Здравствуйте, – ответил я, не скрывая своего удивления. – Простите, а откуда вы меня знаете?

– Ты... давай... заходи, не задерживайся, – сказал дед, пропуская нас с Денисом вперёд. Прежде чем мы прошли внутрь, он успел спросить:

– Денис, вас никто по пути сюда не видел?

– Нет, деда, никто, – ответил Денис.

– Хорошо, если так.

Я прошёл следом за Денисом через крошечный коридорчик-тамбур и оказался в небольшой комнатке. Дед вошёл следом за нами и запер входную дверь.

Войдя, я быстро осмотрел жилище. В общем, тесновато, но уютно. Около двух противоположных стен, оклеенных обоями в полоску, стояли диван и кровать, маленькая тумбочка в углу около дивана. На тумбочке – настольная лампа.

Около окна стоял самодельный дощатый стол, накрытый клеёнкой; за столом вплотную к стене – деревянная скамья, выкрашенная в зелёный цвет. У дальней стены – столик поменьше, а на нём электрическая плитка. На плитке – чайник, рядом – эмалированная кастрюля. Справа от кухонного столика, была раковина, а над ней водопроводный кран. Рядом с раковиной – небольшой холодильник. Никогда бы не подумал, что можно так уютно обустроиться в такой маленькой комнатке.

Рядом с кроватью стоял шкаф с книгами, а над диваном висели старинные часы с маятником, показывающие двадцать три минуты одиннадцатого. Около шкафа стояло старинное кресло и маленький журнальный столик. Лампочка, висящая в патроне под низким потолком, освещала внутренности комнаты неярким жёлтым светом.

Денис, когда мы вошли, моментально выхватил из шкафа какую-то книжку и уселся с ней в кресло. Дед усадил меня на деревянный стул, а сам уселся на скамью между окошком и столом. Спрашивает:

– Ну что, Александр, неужели не узнаёшь?

Я пристально взгляделся в черты его лица. Да, улавливалось что-то знакомое, но я всё равно не мог ничего вспомнить.

– Нет, не узнаю, – честно признался я. – Кто вы?

– Когда-то, ещё в школе, ты называл меня Василием Филиппычем. Именно Филиппычем, хотя правильно – Филиппович. Ну, не только ты так называл. Когда мы последний раз виделись, тебе было лет двенадцать, если не ошибаюсь. Меня как раз тогда забрали. Прямо в классе.

Вот теперь я его узнал. Да, это был он, наш учитель истории, сильно постаревший за прошедшие годы. Я только теперь вспомнил его фамилию. Точно, Костров.

Та дикая история произошла, когда я учился в шестом классе. Василия Филипповича забрали тогда прямо с урока. Среди урока в класс вломились люди в милицейской форме. Ничего не объяснив, они скрутили учителя, хоть он и не сопротивлялся, и надели ему наручники. Грубо вытолкнув учителя из класса, они его куда-то увели.

Было следствие, потом суд. Не знаю, в чём обвиняли Василия Филипповича, но все знали, что он ни в чём не виновен. Рассказывали, что во время суда никто даже слушать не стал свидетелей защиты. Их, тех свидетелей, даже выгнали из зала суда, потому что боялись, что они «развалят дело».

Кострова приговорили к смертной казни, но, когда его под конвоем везли из зала суда, произошло невероятное: Василий Филиппович загадочным образом исчез прямо из машины.

Об этом потом много говорили, но мало кто поверил объяснениям конвоиров. Их просто уволили «за разгильдяйство, ставшее причиной побега, приговорённого».

Слухи это были, нет ли, но Василий Филиппович исчез бесследно. По всей стране объявили розыск опасного преступника, но Василия Филипповича так и не нашли.

– Ну, что, вспомнил? – оторвал меня от воспоминаний голос деда.

– Теперь вспомнил, – говорю.

– Вот и ладненько. Сейчас будем ужинать, – он поднялся со скамьи и направился к кухонному столу, – а то... ты ведь сегодня не успел даже пообедать.

Я удивился: «Откуда он знает, что я не обедал». Я спросил его об этом.

– Ох, Александр, – сказал Василий Филиппович. – Мы тут многое знаем о том происшествии. После того как вы какой-то штуковиной протаранили корабль клефтиан, здесь только об этом и говорят.

– Корабль?! Какой корабль? Каких клефтиан? Ничего не понимаю.

– Давай сначала поужинаем.

Взяв с плитки кастрюльку и направившись с ней к нам, Василий Филиппович позвал Дениса к столу. Денис сказал, что не хочет есть, потому что поужинал дома.

– Ну, дело твоё, – сказал Василий Филиппович, поставив кастрюльку на стол. Он сходил за тарелками, принёс разогретый чайник, стаканы, сахар, буханку хлеба, и пристроился рядом со мной на скамейке. Мы приступили к ужину.

Да, ужин был для меня не лишним. Я ведь и в самом деле успел в тот день только позавтракать. Так или иначе, но после ужина стало немного легче. Даже тревога немного улеглась. Я напомнил Василию Филипповичу про свой вопрос о клептианах.

– Знаешь, Александр, – сказал он, – рассказывать-то особенно и нечего. Мы сами мало о них знаем. Известно только, что это пришельцы с планеты Клефтис. Цивилизация гуманоидов-паразитов. Твоя беда, Александр, в том, что наши правители чем-то с ними повязаны. В общем, тебя ищут полицаи и гвардейцы.

– Меня ищут?!

– А ты как думал. Ты уничтожил звездолёт пришельцев. То есть не лично ты, конечно. Просто ты один из них. В общем, никто из посторонних видеть тебя не должен. Увидят – тут же донесут. Ладно, ещё, если тебя никто не узнал в парке. Ведь почти всем жителям города раздали твоё фото.

Я вспомнил, как странно посмотрел на меня в парке тот мальчишка. Думаю: «Вдруг он уже донёс?». Я поделился с Костровыми своим опасением. Денис, удивлённо:

– Саня, ты что?! Ты и его не узнал?!

– Знаешь, Денис, он был как две капли воды похож на Кольку Летова. Если бы я не знал, что он умер, то мог бы подумать, что это он. Ну, это если бы я увидел его лет двадцать назад.

– Ничего себе! Ладно, Сань, если согласишься вернуться, то всё узнаешь. Короче, его не бойся. Он из наших. Вот в кафешке около кинотеатра ты чуть не засыпался.

– В кафе? Ты и про это знаешь? Но я так и не понял, в чём было дело.

– В деньгах. Хорошо, что продавщица тебя не узнала по фотке. Ты мог запросто попасть к полициям.

– Но почему?! Что не так с деньгами?!

– А то и не так, что тут такие деньги не водятся.

– Денис, я вообще не понимаю, что происходит. Всё как во сне.

– Сань, скоро всё поймёшь. Ну, если согласишься вернуться.

– Домой, что ли?

– Нет, я не про это. Домой-то он тебя запросто вернёт. Я про другое.

Василий Филиппович говорит:

– Денис, почему ты обращаешься к Александру Ивановичу на «ты»? Саней называешь. Какой он тебе Саня? Он же старше тебя на...

Денис не дал деду договорить, на сколько лет я старше. Говорит:

– Деда, мы с Сашей одного года рождения. Неужели ты так и не понял, что произошло?

Ну и я заступился за Дениса. Сказал, что мы договорились называть друг друга на «ты».

– Ну, дело ваше, – сказал Василий Филиппович, пожав плечами. Он поднялся со скамьи и унёс со стола посуду. Я спросил Дениса:

– Денис, ты говорил, что кто-то может вернуть меня домой. Скажи: кто это?

– Сань, домой тебе можно будет не раньше, чем тебя по... – Денис осёкся на полуслове.

– Не раньше чего? – спросил я.

– Саша, я не могу пока тебе всего рассказать.

– Почему не можешь?

– Мне не велели. Послезавтра всё узнаешь. И ещё, Сань, не ходи пока в город. Если тебя кто-нибудь узнает, то схватят полицаи.

– Понятно. Только почему ты их называешь полициями, а не полицейскими?

– Потому что они полицаи.

– Александр, – вмешался в наш разговор Василий Филиппович, – даже не вздумай называть их полицейскими, а тем более милиционерами. Они от этого звереют. К ним надо обращаться со словами «герр полицай».

– Странно.

– Привыкай. Кстати, тебе лучше пока даже из сторожки не выходить.

– Но ведь тут никого нет. Кто меня увидит?

– Видишь ли, Александр, у меня никто искать тебя не станет. У них даже не возникнет мысли, что какой-то путевой обходчик станет прятать опасного преступника.

– Вот чёрт! Никогда бы не подумал, что стану опасным преступником.

– Александр, я тоже не думал... тогда. Ты ведь помнишь, как всё было? Меня тогда тоже объявили преступником. Опасным, кстати. Я так и не понял, в чём меня обвиняли. А глаза и уши у полицаев есть повсюду. Поэтому пережди пока в сторожке.

– Ладно, Василий Филиппович, – пообещал я, – не буду никуда выходить. Но что мне делать дальше?

– Сань, – сказал Денис, – перетерпи до послезавтра. Послезавтра всё узнаешь и решишь, вернуться тебе домой, или вернуться к нам. Ну, к нам не навсегда, конечно, а на сколько захочешь.

– К вам? Это куда?

– Сань, послезавтра всё узнаешь, – пообещал Денис. Но... события стали неумолимо и стремительно разворачиваться гораздо раньше этого «послезавтра».

Глава 4. Арест

Я проснулся от грохота выбитой двери и не сразу понял, что происходит. Жаль, что не сразу. Если бы вовремя среагировал, полициям пришлось бы очень плохо. Это несмотря на то, что они были на голову выше меня и казались намного здоровее. Им не помогло бы и то, что один из них светил мне ярким фонариком прямо в глаза. Я ведь отлично владел боевым самбо. Еще в армии я был первым из первых по части рукопашного боя. Но... я прозевал момент.

Громил, ворвавшихся в сторожку, было шестеро. Один освещал внутренности комнаты фонарём, остальные скидывали нас с постелей и надевали нам наручники. Наручники надели не только мне, но и Василию Филипповичу, и даже Денису. Нам не дали даже одеться и обуться. Прямо так, в чём были, босиком, нас вытолкали из сторожки в ночь. Костров старший был хотя бы в пижаме, а я и Денис – в трусах и майках.

Было прохладно и сыро. Видимо, недавно прошёл дождь. Неприятно было ступать босиком по мокрой земле, а тут ещё эти амбалы толкали в спину. Мы подсказывались, спотыкались, чуть не падали. Я обернулся и сказал:

– Слушайте, фараоны! Мы, кажется, не сопротивляемся! Может, хватит нас толкать? И так идти трудно!

– Заткнись! – рявкнул в ответ один из полицейских со злобной скуластой физиономией. – А то сейчас так толкану, что перелетишь через пути!

Я ему:

– Жаль, что я в наручниках, а то ты сам сейчас улетел бы вместе со своими поделеньниками.

Скуластый:

– Молчать, я сказал!

Нас грубо, пинками, затолкали в автофургон, стоящий около железнодорожной колеи. Денис, уже в фургоне, пригрозил полициям, что им это припомнят.

– Заткнись, щенок! – рявкнул в ответ скуластый.

– Лучше сам заткнись! – «посоветовал» Денис.

Скуластый промолчал. Он забрался в фургон вместе с ещё четырьмя полициями. Шестой сел в кабину вместе с водителем, и машина тронулась.

Куда нас везли, я не видел, потому что за окнами фургона была непроглядная ночь. Кромешной темноты в салоне не было только благодаря тусклой жёлтой лампочке на потолке.

Полиции негромко разговаривали между собой. Надо же, обычные темы, всё как у нормальных людей. Делились впечатлениями о каком-то фильме, планами на выходные...

За окнами фургона неожиданно что-то сверкнуло, озарилось зловещим сиянием. Окошко фургона снаружи словно обволокло переливающейся радужной плёнкой. Будто по стеклу растекались разноцветные светящиеся чернила. Машина резко остановилась. Поли-

цаи испуганно притихли. По всему было видно, что они до смерти перепуганы. По правде говоря, и мне стало жутко, а вот Денис обрадовался. Говорит полицейам:

– Ну что, доигрались? Это только предупреждение от наших. Лучше одумайтесь и везите нас обратно. Или хотите иметь дело с Коляном? А может с Кириллом? Хотя без разницы с кем, потому что вам от них по любому крышка.

Полиции ничего не ответили, а ещё больше съёжились и затаили дыхание. За окном ещё пару раз что-то сверкнуло и снова наступила темнота. Через минуту машина снова тронулась.

– Денис, что это было, – спросил я.

– Молча-а-а! – заорал скуластый, а Денис, не обращая на него внимания:

– Это наши. Они этих гадов предупредили, так что всё в порядке.

Скуластый снова начал орать, но за окном снова полыхнуло, по стеклу снова забегали разноцветные узоры. Машина остановилась, скуластый повалился на бок и побледнел. Мальчишеский голос из ниоткуда: «Заткнись, мордорот, или тебе станет сейчас ещё хуже».

Чёрт знает что. Этот голос был до боли похож на голос Кольки Летова. Снова возникло подозрение, что всё происходящее – просто кошмарный сон. А что, ведь те детские сны, о которых я уже рассказывал, были такими же реалистичными и отчётливыми.

Полиции помогли скуластому снова усесться на лавке. Скуластый был ужасно бледен. Было видно, что ему очень плохо. Один из полицейских нажал на кнопку в стенке салона, и когда за окном снова наступила ночная тьма, открылась дверь фургона. Полицай, который ехал в кабине водителя, заглянул внутрь и спросил, что случилось.

– Опять тот щенок устроил мне сердечный приступ, – сказал скуластый.

– Это тот, которого мы никак не можем поймать?

– Это ваше счастье, что не можете, – сказал Денис. – Вам же хуже, если поймаете.

– Да, он, – ответил скуластый, не обращая внимания на слова Дениса. – Это ведьмак какой-то.

– Не ведьмак, а маг – поправил Денис.

– Ладно, давай садись в кабину, а я сюда, сказал полицай скуластому.

На то, чтобы поменяться местами, у них ушло несколько минут. Тот, что до этого ехал в кабине, и ещё один, под руки увели скуластого, а потом вернулись назад. Когда все снова уселись по местам, машина снова тронулась в путь.

– Ну что, – съязвил Денис, – ещё есть желающие запрещать нам разговаривать?

Пересевший в фургон полицай хотел было что-то рявкнуть в ответ, но остальные его осадили, предупредив об опасности.

Пока ехали, политики сидели тихо, больше не произнося ни слова. И вообще они стали робкими, испуганными. Ну и ладно, нам разговаривать они больше не мешали. Хотя... о чём нам было говорить. Денис пообещал, что не позднее утра нас освободят. Я даже не стал уточнять, кто освободит.

Ехали недолго. Машина остановилась, политики поднялись с мест и открыли дверь. Два политика прыгнули вниз, а оставшиеся грубо вытолкали нас наружу. От пинка полицай Василий Филиппович упал и чуть не ударился головой о камень.

– Эй ты, держиморда! – крикнул я полицая, – нельзя ли поаккуратней!

– Кости тебе на допросе будут ломать поаккуратней, – прохрипел полицай и тут же скорчился, будто от сильной боли. Он со стоном повалился на землю, держась за живот. В пространстве снова раздался знакомый голос:

– Я же предупреждал! Хочешь подохнуть?! Устрою!

– Нет... – прохрипел полицай, с трудом поднимаясь с земли и продолжая держаться за живот. – Отпусти... Обещаю, больше не буду.

– Ну, смотри, – ответил голос. – Ещё раз крякнешь – подохнешь. Это касается всех него-дзяев!

Я постепенно начинал привыкать к «странностям пространств», к звучащим из пространства голосам. Становилось даже интересно, хотя временами и появлялась мысль, что мне это снится.

Очутившись на земле, я увидел трёхэтажное здание. Большую часть здания скрывала от взора ночная мгла. Освещена была лишь часть стены над входом. Свет падал сверху, из-под крыши, где был установлен прожектор. Свет прожектора выхватывал из ночной темноты несколько окошек с крепкими железными решётками и часть стены из потемневшего от времени красного кирпича.

Больше ничего разглядеть я не успел, потому что нас погнали в здание, и там препроводили в подвал. В подвале, открыв одну из множества дверей, нас затолкали в камеру. Оставив нас, полицаи ушли и заперли за собой дверь.

В камере было прохладно и сыро. Облупленные стены. Запах плесени. Тусклая, засиженная мухами лампочка на потолке. На противоположной от двери стене под самым потолком было крошечное зарешёченное окошко. Вдоль двух противоположных стен стояли деревянные двухэтажные нары.

– Вот и всё, – обречённо вздохнул Василий Филиппович, присаживаясь на нары. Я тоже уселся рядом с ним, а Денис легко вынул руки из наручников, которые со звоном упали на бетонный пол, и стал разглядывать окошко под потолком. Наверное, он прикидывал, нельзя ли как-нибудь выбраться через него наружу.

– Отсюда нас живыми не выпустят, – сказал Костров старший. – Никто ещё отсюда живым не выходил.

– Деда, – сказал Денис, повернувшись к нам, – выходили и будут выходить. И мы тоже выйдем. Наши нас освободят.

– Эх, внучок. Я уж сколько раз слышал об этих ваших «наших»... Да и откуда им знать, где мы?

– Деда, наши уже знают. Нам уже подали знак. И полицаев предупредили. Ты же видел, как их заставили замолчать. Вот увидишь, за нами придут и освободят.

Я говорю:

– Знаешь, Денис, я вообще не понимаю, что творится. Мне иногда кажется, что всё это во сне. Но это ладно. Дело в том, что если бы не наручники, я и сам попробовал бы нас освободить. Даже там, в сторожке, если бы не застали врасплох. Меня в армии кое-чему научили. Поверь, мало бы им не показалось.

– Ну, для меня наручники не проблема, – сказал Денис, – вы же видели. Эти фараоны⁹ даже не подумали, что наручники мне «малость великоваты».

– Я и не сомневался, что они тебе великоваты, – сказал Василий Филиппович, – а вот наши руки так не пролезут. Ключ нужен. Или напильник.

⁹ Фараонами непочтительно называли городских и полицейских в дореволюционной России.

– Деда, если с ними придёт Колян или Кирюха, они снимут с вас наручники без ключей и напильников.

– Ну-ну, посмотрим.

Я не очень-то верил, что какой-то Колян или Кирюха придёт и снимет с нас наручники. Жаль, конечно, ведь если бы у меня были свободны руки, полиция не поздоровилось бы. Во всяком случае, шансы у нас были бы пятьдесят на пятьдесят, а так что я мог сделать.

Итак, я стал преступником, без преступления. Вот уж не думал, что когда-нибудь окажусь в тюрьме. А ведь есть поговорка: «От сумы и от тюрьмы не зарекайся». Обидно попасть в тюрьму за то, что честно выполняешь свою работу. Ну а клефтиане сами виноваты. Ясно же, что шпионили они за нами не из добрых побуждений.

С клефтианами понятно, но непонятно, почему полиция заодно с ними. Может, клефтиане поработили Землю-2. Я спросил об этом у Василия Филипповича.

– Нет, пока ещё не поработили, – ответил он. – Вообще-то они к этому давно стремятся. И наши правители давно хотят править нами вместе с клефтианами, но у них ничего не выходит. Кто-то им сильно мешает.

– Это мы им мешаем, – сказал Денис.

– Ну уж прямо и вы, – горько усмехнулся Василий Филиппович.

– Скоро, деда, сам всё увидишь.

– Что ж, посмотрим. Ладно, давайте спать. Всё равно до утра ничего не решится.

Вот так я и оказался в тюрьме. Я улёгся на деревянные нары. Лежать было неудобно, мешали наручники, но я всё равно вскоре заснул.

Глава 5. Освобождение

Я проснулся от яркой вспышки и увидел нечто. Этим нечто был сгусток эфемерного ярко светящегося тумана в центре тюремной камеры. Свечение было не просто ярким, а ослепительным. Несмотря на это, в камере была крошечная тьма. Странно, даже не светила лампочка под потолком камеры. Всё, что я видел, выглядело теперь нереальным, фантастичным, даже жутковатым.

Я приподнялся на нарах и смотрел на этот туманный сгусток как завороченный, и вот из этого непонятно чего вышел он. Я его сразу узнал и почему-то даже не удивился. Он был таким, каким я его запомнил ещё в школе. Хотя нет, было заметно, что он стал чуть старше. На год, не более. На нём была футболка тёмно-вишнёвого цвета, джинсы, на ногах – кроссовки. Он подошёл ко мне и сказал, просто, без церемоний, будто мы не виделись с ним не двадцать лет, а всего день или два:

– Привет, Санёк.

– Здравствуй, Коля, – ответил я, а Коля говорит мне:

– Саша, прости, что я не подошёл к тебе в парке.

– Так всё-таки это был ты?! – спросил я, теперь уже немного удивившись.

– Ага, я, – отвечает он. – А ты что, сомневался?

– Не просто сомневался, – признался я. – У меня даже мысли не было, что это ты. Ну, похож. Бывает же такое.

– Бывает, – согласился Коля, – но это ладно. Понимаешь, Саша, нас преследовали полицаи. Я боялся, что они тебя узнают и увяжут за тобой. У нас, к сожалению, не было лишнего времени.

– Так значит, вы удирали от полицаев?

– Удирали?! Ну, ты скажешь тоже... Если бы они не были такими тупыми, то не побежали бы за нами. Мы нарочно заманивали их в безлюдное место. Короче, разобрались там с ними. Они это теперь надолго запомнят. Ну а нам надо было уходить за грань, поэтому я не вернулся, а послал за тобой Кострова.

– За грань?! Что это?

– Ты не знаешь?!

– Нет.

– Странно. Грань – это энергетический барьер, который разделяет смежные пространства. Ты же спец по теории пространства и должен это знать.

– Да, спец. Я это знаю, конечно. Просто сразу не врубился, о какой грани ты говорил. Но скажи: как вы через неё проходите? Для этого нужно ужас сколько энергии. Да и чтобы увидеть грань, нужны специальные приборы. У вас есть для этого техника?

– Нам для этого техника не нужна, потому что некоторые из нас владеют магией. Я, например, и ещё кое-кто. Ну ладно. Ты это потом сам увидишь. Лучше скажи: ты готов вернуться в отряд?

– Вернуться в отряд?! – переспросил я.

– Ну да, – ответил Колька.

– Как?! Каким образом?!

– Обыкновенным.

– Но это невозможно!

– Почему невозможно? – удивился Колька.

– Мне давно ничего такого не снится.

– А при чём тут снится или не снится? Кстати, ты помнишь последний куплет из песни, которая была для нас как клятва? Ну, из киношки «Неуловимые мстители».

– Конечно, помню: «Если снова над миром грянет гром, небо вспыхнет огнём, вы нам только шепните – мы на помощь придём!»

– Да, я про это. Кстати, Сань, здесь этот фильм запрещён. И песня тоже. Даже если будешь напевать себе под нос, и кто-нибудь услышит и донесёт полициям, тебя тут же арестуют и казнят. Даже на возраст не посмотрят. Даже если год от роду, всё равно казнят.

– Казнят?! Даже если год от роду?! Ребёнка?! – я был в шоке от того, что услышал.

– Тут кого угодно могут казнить, если чем-нибудь не угодил тем, кто у власти.

– Что же это за власть такая?!

У меня просто не укладывался в голове такой ужас, я не верил, что такое может быть на свете. А Колька объясняет:

– Такая вот власть. Здесь, на Земле-2, фашизм.

Я ещё что-то хотел спросить. Теперь уже не помню, что именно. Просто не успел, потому что Колька сказал:

– Саня, ты понял, что гром уже грянул?

– Да, Коля, понял. Сразу после нашего проклятого эксперимента.

– Эксперимент ни при чём, – возразил Колька. – Гром грянул раньше. Он грянул на Земле-2 и вскоре может добраться до нашей Земли. Они уже и добрались бы, но их остановил ваш спутник. Он врезался в звездолёт клефтиан и уничтожил его. Но это их остановило только на время. Скоро на Землю может высадиться гвардия короля Клефтиса Фобиуса Фука-раса. Вот мы и должны это остановить, пока не поздно.

Я засомневался. Спросил Кольку, каким образом мы их остановим. А он говорит:

– Остановим, Сань, не сомневайся. У нас просто нет другого выхода. Выход у нас только один – победа над злом. Вот почему я и хочу, чтобы такие как ты, прошедшие армию, вернулись в отряд. Ты просто скажи, согласен ли ты вернуться.

– Коля, – говорю я, – если бы всё происходило на самом деле, а не в снах... Ну, ты сам понимаешь.

– Думаешь, это были просто сны?! – удивился Колька.

– Конечно. Мне же это снилось.

– Странно, что ты не знаешь... Но всё равно, ты дал ответ.

– Ответ?

– Ага. Я понял, что ты готов вернуться в отряд. И ещё вот что, Сань. Мы не сможем прийти к вам на помощь раньше рассвета. Тебе надо продержаться до нашего прихода. Я знаю, ты сможешь.

Он коснулся наручников на моих запястьях... и наручники рассыпались в порошок. После этого Колька вошёл в колышущийся сгусток светящегося тумана, помахал мне рукой и исчез. Сияние померкло и растаяло.

Когда пропало видение, до меня дошла абсурдность увиденного и услышанного: «Какой Летов?! Ведь он же умер! Давно! Двадцать лет назад!» Но... наручников на мне действительно не было. Я подумал: «Ладно, это сон. Разберусь с этим, когда проснусь». Я поудобнее улёгся на нары и быстро уснул.

– Чёрт побери!.. Ничего не понимаю!..

Это был голос Василия Филипповича, от которого я проснулся. Василий Филиппович стоял посреди камеры, стоял без наручников.

– Что случилось? – спросил я спросонья.

– Денис куда-то пропал...

– Как пропал?! Куда?!

– Не знаю... И почему мы без наручников?

Только тут до меня доходит, что и мои руки свободны. Я уселся на краю нар, и с моей майки посыпался на пол металлический порошок.

– Чёрт! – вырвалось у меня. – Что такое?!

– Вот-вот, – сказал Василий Филиппович, – и с меня такая же дрянь посыпалась.

– Да чёрт с ней, с дрянью! Где может быть Денис?! Надо его срочно искать!

– Александр, для этого надо хотя бы выйти отсюда.

– За нами же должны прийти? Вот тогда и выйдем. Теперь мало им не покажется. Всё, к черту, разнесу. Как там сказал фараон? На допросе кости ломать будут аккуратно? Я аккуратно не умею, поэтому переломаю всё, в том числе и кости.

В этот момент за дверью камеры раздались приближающиеся шаги. По шагам я угадал, что шли двое. Они остановились у двери камеры, послышался звук вставляемого в скважину ключа, потом ругань:

– Чёрт! Опять заело! Сколько раз говорил этому тупому начальству, что замки нужно менять! А они...

Голос мне показался знакомым, он был похож на голос вчерашнего скуластого полицейя.

– Начальство всегда право, – ответил другой хриплым, явно прокуренным голосом.

– Вот пусть бы и отпирали сами, – сказал первый.

– Дай, я попробую, – сказал второй.

– Да на, пробуй, если хочешь. Заело замок намертво.

Короткая пауза, щелчки от ключа в замке, истошный крик:

– Ой! Чё-о-оррт!

Испуганный голос скуластого:

– Ты чего Стас?!

– Током шарахнуло!

– Ты чё?! Откуда там ток?!

У меня за спиной послышался смех. Будто смеялся какой-то мальчишка. Нет, не Денис. Голос был другой. Я оглянулся, Василий Филиппович тоже посмотрел в ту сторону. Позади нас никого не было. «Что за чертовщина?» – подумал я, и снова прислушался к возне за дверью.

Голос скуластого:

– Ну-ка дай ключи. Я ещё раз попробую.

– Попробуй. Я больше пробовать не стану. Наверное, эти арестанты подвели к двери ток.

– Не придумывай. Откуда они его подведут? Да и в наручниках они.

«Странно... Наручников же нет» – подумал я. Снова звук вставляемого в замок ключа, душераздирающий вопль скуластого. За дверью что-то грузно упало на пол. Снова смешок позади нас, а из-за двери испуганный голос:

– Ты чего, Фёдор?! Вставай! Что с тобой?!

– Там и правда, ток! Значит, эти гады провели провод от лампочки к двери! Убью, когда доберусь!

За дверью снова слышались шаги. Шаги были тяжёлыми, с пришлёпываниями. Слышалось тяжелое пыхтение. По этим звукам нетрудно было догадаться, что шёл кто-то грузный, страдающий одышкой.

– Ну что вы там возитесь? – недовольно произнёс фальцетом¹⁰ тот, кто только что подошёл.

Хриплый голос Стаса:

– Гадольф Бармалеевич, в замке ток.

– Ты чё офонарел?! Какой ток?!

– Я... мы... мы не знаем. Только нас ударило. Фёдор даже упал.

– Ну-ка, придурки! Отойдите от двери! Дайте ключ!

Мы с Василием Филипповичем стояли посреди камеры, затаив дыхание. В замке снова защёлкало, потом поворот ключа, дверь отворилась. В дверном проёме нарисовалось такое... Я, конечно, всяких повидал, но такое чудо-юдо лицезрел впервые.

У меня за спиной слышался удивлённый возглас:

– Ого! Вот это бегемот!

Голос был похож на голос Дениса. Второй мальчишеский голос, насмешливо:

– Снова на сцене Маски-шоу¹¹.

Мы с Василием Филипповичем оглянулись на голоса, но позади нас было пусто.

Я снова взглянул на вошедшего в камеру лысого брюхана. Шеи, как таковой, у него не было, потому что живот начинался прямо от подбородка. Щёки-дутьиши плавно перетекали в плечи. На брюхане была форма полица с погонами полковника. Китель был застёгнут только на две верхние пуговицы. Низ кителя просто не сходился на круглом, словно огромный школьный глобус, животе. Мало того, брюхо жирной складкой свисало ниже края кителя. Под кителем была рубашка, которая тоже не сходилась на животе, а под рубашкой была видна майка. На ногах у толстяка были раздавленные весом огромные домашние шлёпанцы на босу ногу (шестидесятый размер – не меньше).

Брюхан, пыхтя и грузно переступая своими толстенными, как у слона, ножищами, еле протиснулся в дверь камеры. За брюханом вошли ещё два полица, которые тут же встали по стойке «смирно». Так и есть. Один из полицейских оказался тем самым скуластым, который участвовал в нашем захвате. Второй полицейский, – тоже сержант, как и скуластый – был худющий жердья с вытянутым тощим лицом и огромным клювоподобным носом.

Жердья был настолько высок и худ, что для него тоже не нашлось подходящего обмундирования. Его тонкие локти наполовину высовывались из рукавов кителя. Тонюсенькие ножки торчали из брючин сантиметров на сорок. На ногах были самые, наверное, маленькие берцы, которые только сумели найти. Тонкие ноги жердья, наверное, вошли бы в них даже без расшнуровки. В общем, вошедшие, за исключением скуластого, имели до предела анекдотический, клоунский вид. Точно – «Маски-шоу».

¹⁰ Фальцет – высокие ноты или голос. Иногда фальцет доходит чуть ли не писка.

¹¹ Маски-Шоу – юмористический телесериал, поставленный комик-труппой «Маски» в стиле немого кино

Итак, по их разговорам за дверью я узнал имена полицейских. Это потом очень пригодилось.

Протиснувшись в камеру, Брюхан, противно оттопырив толстые губы, произнёс тонюсеньким голосом:

– Ну-у-у?!

– Что ну? – спрашиваю его. А он пищит в ответ:

– Задавать вопросы буду я! Отвечай!

Я ему говорю:

– Нет, не ты будешь задавать вопросы! Сейчас я буду спрашивать, а ты отвечать! И только попробуй соврать! Отвечай: где Денис?!

Вот тут оказалось, что и полицейские не знают, куда пропал Денис. Когда до до брюхана дошло, что нас в камере только двое, он завизжал:

– Что такое?! Где щенок?! Отвечай!

Я ему:

– Это ты отвечай, пока я из тебя жир не выпустил! Где Денис?! – Я угрожающе двинулся на брюхана. Брюхан, пятась, делает знак полицейским, и те бросаются ко мне. Ну что ж, мне как раз этого и не хватало. Очень хотелось отвести на них душу. Я уже предвкушал, как они нарвутся на мои кулаки и влипнут в стену. Но... отвести на них душу мне так и не удалось, потому что полицейские вдруг резко остановились, на их лицах появилось выражение неопределимого ужаса. Голос Дениса за спиной:

– Стоять и не дёргаться!

Все трое дружно закивали; щёки пузана, при этом, затрепыхались на плечах как желе. Я продолжаю двигаться на пузана. Второй мальчишеский голос за спиной:

– Александр Иванович, не трогайте их, не надо.

Я остановился. Обернувшись назад, я увидел Дениса и незнакомого мальчишку. «Чёрт знает что! Откуда они взялись?!»

Незнакомец был голубоглазый и светловолосый. Волосы, длинные, наполовину закрывающие уши. Лицо немного полноватое, но сам он нормального, даже крепкого, спортивного, сложения. На нём была красная футболка и тёмные джинсы. А вот Денис... был в знакомом по моим давним снам обмундировании бойца отряда Армии Света.

– Деда, Саня, давайте на выход! – крикнул нам Денис. – Там вас ждут!

Мы с Василием Филипповичем бросились к двери. Я, наступив босой ступнёй на какой-то камушек на полу, даже вскрикнул от боли. Отвык бегать босиком.

Остановившись, я увидел и услышал, как мальчишка, появившийся в камере вместе с Костровым младшим, стоя напротив брюхана, нарочито-ласковым, но не предвещающим ничего хорошего голосом говорил полициям:

– Ты, жиртрест, и ты, мордovorот, и ты, чахлик. Вы, все трое, не вздумайте даже пикнуть, пока мы не исчезнем. А то колдону – из тебя, толстый, вытечет весь жир, а ты мордастый, вместе с задохликом, в нём утонешь. Ну, вы же меня знаете?

Все трое снова дружно закивали, боясь даже двинуться с места.

– Деда, Саня, идёте, – сказал Денис и вместе с напарником направился к выходу. Мы с Василием Филипповичем, пошли следом за ними.

– Саня, знакомься, – сказал Денис, когда мы вышли из камеры. – Это Кирилл Муравкин. Он командир другого отряда и маг высшей категории.

– Александр... то есть Саша, – представился я.

– Я вас знаю, – ответил Кирилл.

– Откуда?! – удивился я.

– Долго объяснять. В общем, это сейчас и не важно. Сейчас надо торопиться, чтобы успеть к семи утра. Идёте скорее, – и мы пошли по коридору к выходу из тюрьмы.

Итак, вот коридор, по которому нас ночью вели в камеру. Массивные железные двери камер по обе стороны. Впереди поворот направо, к лестничному маршу, ведущему из подвала... Нет, до поворота мы не дошли. Завыла сирена, и послышался топот бегущей по лестнице толпы.

Я остановился первым. Остановились и Василий Филиппович с Денисом и Кириллом. Я, честно признаюсь, испугался. Ну и Василий Филиппович, судя по его виду, испугался не меньше. А вот Денис и Кирилл оставались спокойны, как памятники. Денис даже чуть слышно хихикнул. Кирилл слишком спокойным для такой ситуации голосом сказал:

– Ну что ж, я их предупреждал, чтоб не дёргались. Пусть теперь со мной не встречаются, а то плохо им будет.

Из-за поворота коридора выбежало не меньше десятка человек, вооружённых чем-то похожим на автоматы. Именно похожим, потому что я видел такое оружие впервые. Они были в странном обмундировании, которого я раньше нигде не встречал.

– Всё, нам конец, – произнёс Василий Филиппович. – Это гвардейцы с Клефтиса. Они уничтожают всех, кто им неугоден. Пощады не будет.

– Не волнуйтесь, Василий Филиппович, – с усмешкой сказал Кирилл, и вышел вперёд. Дальнейшего я никак не ожидал. Я никогда ещё не видел выражения такого запредельного ужаса, которое было на лицах гвардейцев. Они остановились и у троих из них возникло «недержание мочи». Это я понял по быстро намокающим от развилки ног штанам гвардейцев. Денис тоже вышел вперёд и крикнул гвардейцам:

– Стоять! Бросить оружие!

Оружие они побросали без разговоров. Четверо, которые были дальше всего от нас, бросились назад к лестничному маршу. Кирилл крикнул им:

– Назад! – и Беглецы кубарем прокатились по полу, снова присоединившись к дрожащим от страха сослуживцам.

– Теперь всем упасть фейсами в пол, и не дёргаться! – крикнул Кирилл, и гвардейцы дружно заняли позу лёжа.

Я был в полном недоумении: «Почему полицаи и эти вооружённые... как их... гвардейцы, что ли? Почему они панически боятся двух безоружных мальчишек начального школьного возраста?»

Так или иначе, но гвардейцы смиренно лежали на полу, а Денис сказал нам:

– Саня, деда, вы идите, а мы тут с этими немного побеседуем.

– Но... как же... – заговорил Василий Филиппович, но Денис не дал ему договорить:

– Деда, мы тут ненадолго. На минуточку. Или на две.

– Но это же опасно!

– Это им опасно, Василий Филиппович, – усмехнувшись, сказал Кирилл. Вот, смотрите, – он провёл перед собой рукой, и с его пальцев сорвался и с оглушительным раскатом грома пронёсся по подвалу шквал из огненных молний. Молнии ударили в дальнюю стену, и часть стены раскалённой лавой стекла на пол и застыла. Гвардейцы в ужасе вжались в пол.

– Пусть только дёрнутся, – сказал Кирилл.

«Нет, это всё ещё сон» – пронеслось в голове, а Денис говорит нам:

– Идите скорее, там вас встретят. Мы выйдем следом за вами.

– Кто встретит? – не унимался Василий Филиппович.

– Наши. Они принесли вашу одежду. И обувь. Давайте скорее, не задерживайтесь. Нам надо успеть до семи утра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.